

АМНЕЗИЯ КАК ТИП СОЦИАЛЬНОЙ ЗАБЫВЧИВОСТИ: К УТОЧНЕНИЮ КОНЦЕПТА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Южного федерального университета.

Уточняется концепт социальной амнезии, используемый в дискурсе современных социальных и гуманитарных наук. Основываясь на уровнях забывчивости, упомянутых Аврелием Августином в «Исповеди», автор выделяет «забывание», «забвение» и «амнезию» в качестве трех общих типов социомнемонических дефицитов, приводя в пользу этой типологии ряд аргументов из различных сфер социогуманитарного знания.

Ключевые слова: социомнемонические дефициты; социальная амнезия; забывание; забвение; амнистия.

Пожалуй, сегодня трудно найти столь же быстро растущее направление социогуманитарных исследований, как *memory studies*. Феномен памяти был изучен во многих аспектах, из перспективы разных наук и методологических традиций. Но только с некоторым запозданием здесь стала руководством сентенция, высказанная еще лет тридцать тому назад британским историком Питером Берком: «Часто бывает полезно подойти к проблемам с обратной стороны, вывернуть их наизнанку. Так, чтобы понять работу социальной памяти, возможно, вначале стоит исследовать социальную организацию забывания... Одним словом, исследовать социальную амнезию» [1. Р. 56–57].

На первый взгляд, понятие социальной амнезии представляется простым и абстрактным, однако именно в этом заключена его проблематичность, поскольку трактовка феномена амнезии существенно зависит от предмета соответствующей науки. Это приводит к тому, что не только разные авторы используют термин «социальная амнезия» в разных смыслах; зачастую в одном и том же исследовании под социальными версиями амнезии подразумеваются разные по своей сути явления. В дискурсе современных социогуманитарных дисциплин семантика терминов вроде «культурная» или «социальная» амнезия колеблется, по словам греческих литературоведов А. Лампропулоса и В. Маркиду, «между относительной ясностью ее медицинских коннотаций и довольно неопределенной метафоричностью» [2. Р. 1]. Соответственно, цель данной статьи – прояснить статус понятия социальной амнезии поверх дисциплинарных границ и в контексте различных видов социальной забывчивости. Конкретнее: *во-первых*, определить, с какими основными типами забывчивости соотносится социальная амнезия; *во-вторых*, указать ее специфику в соотношении с этими типами; *в-третьих*, представить аргументы для обоснования данной специфики.

Основным методом данного исследования выступает концептный анализ, цель которого состоит в том, чтобы «прояснить интенцию концепта, его отношения к другим концептам и его место в системе концептов, чтобы создать таким образом основу для формулировки определений концептов, выявить синонимичность и эквивалентность терминов в разных языках и т.д.» [3]. В особенности автор работы опирался на предложенную российским ученым М.В. Ильиным версию концептного подхода, в котором «рассматриваются некоторые модели развития словопонятий и порождения

ими новых смыслов при помощи механизма метафоризации, а также выделяется принципиальная важность внутренней формы слова и ее переосмысления» [4. С. 9].

Сразу оговоримся: «социальная амнезия» будет здесь пониматься как зонтичный термин для выражений вроде «коллективная (культурная, историческая, национальная и т.д.) амнезия». Все эти «амнезии» мы толкуем как проявления (виды) социальной амнезии, которую мы противопоставляем, с одной стороны, социальной памяти, а с другой – медицинскому понятию амнезии, обусловленной патологиями человеческого организма. От внутренней дифференциации социальной амнезии, вплоть до ее личностных проявлений, мы в данной работе абстрагируемся. Далее все социальные версии забывания, забвения, амнезии и т.п. мы обозначаем общим термином «социомнемонические дефициты» либо (в качестве его синонима) термином «забычивость». Последний, в частности, используется при переводе того фрагмента из августиновской «Исповеди», где «забычивость» (*oblivionem*) противопоставляется «памяти» (*memoria*). Термин же «социомнемонические дефициты» мы выбрали по аналогии с англоязычными терминами «*sociomnemonic practices*» [5. Р. 90] и «*memorial deficits*» [6. Р. 124], встречающимися в современной когнитивистике.

Очевидно, что социальная амнезия есть типичный пример метафоры, ставшей концептом. Но исходный для метафоризации смысл бывает в нем выражен как избыточным, так и недостаточным образом.

В первом случае концепт социальной амнезии слишком близок медицинскому смыслу амнезии, из-за чего теряется специфика амнезии как социокультурного феномена. При этом авторы, подражая медицинской терминологии, связывают «деградацию социальной памяти до социопатической амнезии» с «дистрофией» мнемических функций, «социальным галлюцинированием» и т.п. [7. С. 35–39]. Разумеется, в качестве поясняющих метафор эта терминология полезна, но без строгого определения концепта собственно социальной амнезии медицинская метафорика чревата методологическим редукционизмом.

Примером избыточной метафоризации исходного смысла в концепте социальной амнезии может служить трактовка американским историком Расселом Якоби социальной амнезии как памяти, вытесненной из сознания социальной и экономической динамикой. Под этой динамикой американский историк подразу-

мекает, с одной стороны, феномен «овеществления» или «реификации» в смысле «Диалектики Просвещения», а с другой – понятие в психоаналитическом духе «вытеснение» из общественного сознания памяти о своем собственном прошлом. Но квалификации социальной амнезии как «психического товара в товарном обществе» [8. Р. 5] явно недостаточно для раскрытия ее *differentia specifica* среди прочих типов социальной забывчивости.

Таким образом, философская экспликация различных видов забвения оказывается при ближайшем рассмотрении делом отнюдь нетривиальным. Поль Рикер с полным правом писал об «удручающей полисемии слова ‘забвение’ [oubli]» [9. Р. 575]. И чтобы как-то разобраться в этой полисемии, требуются философско-аналитические средства, способные разграничить разные виды и типы мнемонических дефицитов, чтобы в перспективе выстроить логически связную типологию социальной амнезии.

Рассмотрим, каким образом такого рода опыт представлен в научной литературе, посвященной феномену социальной забывчивости.

Большинство авторов акцентируют свое внимание на том, что «социальная память включает в себя не только процессы запоминания, но и процессы забывания» [10. Р. 35]. При этом термины «забывание», «забвение», «амнезия» (равно как их англоязычные аналоги: *forgetting*, *oblivion*, *amnesia*) нередко используются как синонимы, их соотношение не проясняется, как не уточняется отличие «социальной амнезии» от амнезии как медицинского концепта. Как следствие, остается непонятным, каким образом социальная амнезия, с одной стороны, «ведет к дезорганизации социальной памяти как символического воссоздания прошлого», а с другой – является «очевидной и в “переписывании истории”» [10. Р. 35]. Другими словами, неясно, как в концепте социальной амнезии совмещаются негативные (деструктивные) и позитивные (конструктивные) функции.

Относительно концептуализации социальной амнезии в научной литературе представлены две крайности.

Примером одной из них может служить отказ израильского историка Гая Байнера от термина «социальная амнезия [social amnesia]». Вместо этого ученый предлагает использовать концепт «социального забывания [social forgetting]», который мыслится им в качестве зонтичного для обозначения всех социально-мнемонических дефицитов. Однако такое предложение скорее вносит дополнительную путаницу, чем проясняет вопрос о типологии забывчивости. Исходный мотив Г. Байнера ясен – он желает обосновать тезис о том, что «социальное забвение – это не коллективная амнезия, которая слишком легко принимается за ситуацию, когда конкретные исторические эпизоды могут быть полностью и по желанию исключены из коллективной памяти целого общества» [11. Р. 24]. Действительно, не стоит в рамках критической научной рефлексии принимать за реальную амнезию то, что таковым кажется. Ведь убеждение в том, что память может быть выключена по команде (по прихоти политиков и в союзе с историками), проистекает из

упрощенного понимания социальной памяти, которую якобы можно аннулировать уже потому, что ее можно сконструировать.

Однако из того, что опыт целенаправленного забывания на индивидуальном и групповом уровне приводит не столько к стиранию памяти, сколько к ее новой форме («забывчивой памяти [forgetful memory]»), как выражается Байнер [11. Р. 18]), еще не следует, что социальная амнезия сама по себе есть фикция. А именно такой вывод внушается заменой концепта социальной (коллективной) амнезии на концепт «социального забывания». Вместе с тем подход Байнера заостряет вопрос о статусе таких понятийных дистрикций, как «принудительная» vs. «сознательная» амнезия или амнезия «добровольная» vs. «непроизвольная» [12. Р. 2200]. Но не являются ли выражения вроде «сознательная амнезия» концептуальной бессмыслицей (эффект смешения разных типов забывчивости)?

Если Г. Байнер предлагает вообще отказаться от использования понятия социальной амнезии, то голландский литературовед Лидеке Плате, напротив, предлагает «амнезиологию [amnesiology]» в качестве термина для обозначения отдельного теоретического направления в рамках *memory studies*. Причем «амнезиология», по словам Байнера, исследует феномены забывчивости не как естественные провалы в памяти, а как состояния, которые социально производятся и воспроизводятся, в том числе сознательно. Благодаря этому амнезиология позволяет исследовать «динамику запоминания и забывания как процесса, лежащего в основе культуры» [13. Р. 149]. Хотя идея сделать феномен забывчивости предметом особого исследовательского направления вполне оправдана, выбор термина для его названия не представляется удачным, так как он скрадывает существенное отличие социальной амнезии от прочих социомнемонических дефицитов. Неслучайно, например, стремление охватить все проявления забывчивости одним термином «амнезия» приводит американского литературоведа Андреаса Хьюссена к необходимости различать между амнезией как «частью диалектики памяти и забывания» и амнезией как «радикальным иным» этой диалектики, когда «нечего помнить, нечего забывать» [14. Р. 9].

Таким образом, вопрос о специфическом отличии амнезии от других типов забывчивости так просто обойти невозможно. Между тем в научной литературе сознание необходимости такого отличия уже представлено. Прежде всего, здесь следует указать на «типы забвения», выделенные голландским философом Франклином Анкерсмитом. (Заметим, что в русском переводе книги Анкерсмита термином «забвение» передается «forgetting» из английского издания.) Речь идет об описании ряда типичных случаев социомнемонических дефицитов, правда, без обозначения их какими-то специальными терминами и без видимого единого основания для их классификации (типологизации). Однако какое место среди этих «типов» занимает социальная амнезия – данный вопрос голландским философом не ставится. Можно ли, например, парадоксальный опыт «одновременно забытого и со-

хранящегося в памяти травматического опыта», который «напоминает о том, что есть нечто, что мы должны или хотели бы забыть» [15. С. 441], назвать амнезией в строгом смысле? Аналогичную картину мы видим в типологии забывания [forgetting], предложенной британским социальным антропологом Полом Коннертоном [16]. Однако представленное британским исследователем описание типов забывчивости оказывается, как и у Анкерсмита, не столько типологией, сколько феноменологией, лишенной единого систематизирующего принципа. При этом обособленное друг от друга рассмотрение, к примеру, таких социомнемонических дефицитов, как «плановое устаревание [planned obsolescence]» и «аннулирование [annulment]», затрудняет раскрытие существующей между ними системной связи. Примечательно, что российский исследователь В. Шнирельман вообще не проводит концептуального различия между терминами «амнезия» и «забывание», когда пишет о «семи различных видах амнезии» [17. С. 28], якобы выделяемых Коннертоном. Однако фактически британский ученый говорит о типах забывания [forgetting], среди которых только один квалифицируется им как «структурная амнезия».

Если у Анкерсмита, Коннертона и ряда других авторов общим термином для обозначения всех проявлений забывчивости выступают привычные слова вроде «forgetting» или «oblivion», то у других ученых такую функцию выполняют необычные, специальные термины. Примером последнего может служить концепт «манкуртизма как исторического беспамятства», предложенный российским философом и социологом Ж.Т. Тощенко [18. С. 224]. Сам концепт претендует на выражение целостного социального явления, «ипостаси» которого автор также описывает скорее феноменологическим способом.

Из выборочного анализа имеющихся в литературе типологий (классификаций) социомнемонических дефицитов можно сделать вывод, что авторы не проводят строгого различия между собственно амнезией и другими видами (типами) забывчивости, что объясняется их дескриптивно-феноменологическим, а не типологическим подходом. Но есть ли в философской традиции образцы строгих типологий социомнемонических дефицитов? На наш взгляд, такой опыт имеется, и связан он, прежде всего, с именем Аврелия Августина.

На известный пассаж из «Исповеди» А. Августина, посвященный феномену забывчивости, указывается нередко, однако не всегда должным образом оцениваются понятийные дистинкции, лежащие в основе августиновской концепции памяти. У мыслителя мы видим, пусть и не закрепленное терминологически, различие трех типов забывчивости, отражающих степени ее глубины. Основой этого различения выступает представление о следе, который оставляет утраченное памятью содержание.

«След», который оставляет в памяти забытая-потерянная ее часть, – это не аналог отпечатка предмета на мягкой поверхности. Скорее, это пробел, зияние в целостной когнитивной структуре памяти, когда

память «чувствует, что она не может целиком развернуть то, к чему она привыкла как к целому», а потому, «ущемленная в привычном, словно охромев», требует возвращения недостающего элемента путем напоминания [19. С. 254–255]. Эта ситуация описывает первый тип забывчивости, при котором имеет место рутинный (повседневный) и временный дефицит (пробел) памяти, который восстанавливается благодаря ее смысловому целому. В таком примерно смысле известный немецкий филолог и философ Харальд Вайнрих сравнивает забывание с «дырой в памяти, в которую нечто проваливается или исчезает там» [20. Р. 4]. На этом уровне человек знает не только то, что он что-то забыл, но и *что конкретно* он забыл (имя знакомого человека, например). Такая забывчивость снимается напоминанием, причем память сама в этом помогает, движимая внутренним равновесием.

Но помимо упомянутой выше, в данном фрагменте «Исповеди» есть еще одна дистинкция, которую можно обозначить как различие между *забыванием* и *забвением*. Причем под забвением подразумевается здесь более глубокий уровень забывчивости, когда следы забытого стираются из памяти. Забвение означает, что память как целостная когнитивная структура не может служить контекстом, позволяющим и даже требующим восстановить утраченные фрагменты. Количество и качество этих утраченных элементов настолько велико, что исчезает сам контекст, память становится похожей на текст, который из-за критической массы пробелов потерял общую смысловую структуру. Маркером отличия этого уровня забывчивости от предшествующего выступает бесполезность напоминаний, они уже не помогают вспомнить забытое. Добавим, что напоминания могут быть и запрещены, поскольку полное стирание из памяти воспоминаний часто относится к сакральным, табуированным темам. Однако, при всей своей полноте, этот уровень забывчивости не является, по мысли Августина, самым радикальным, поскольку забытое в этом случае мы «забыли не до такой степени, чтобы не помнить о том, что мы его забыли» [19. С. 255]. Эта память о самом факте забывания рождает у человека когнитивный дискомфорт, попытки вспомнить, пусть и неведомо, что конкретно. А вот отсутствие самой памяти о мнемонической утрате образует, по логике Августина, третий тип забывчивости, самый радикальный, когда человек не помнит даже того, что он что-то забыл, а потому у него нет никакого стремления найти то, что было утрачено его памятью.

Если некто страдающий амнезией говорит «У меня на *это* амнезия», данное утверждение можно считать аналогом парадокса лжеца: «Когда субъект объявляет то, что он забывает, уже забытым, он тем самым заставляет себя помнить об этом» [2. Р. 1], значит, как раз амнезией в строгом смысле он не страдает. Если сохранять этот исходный (медицинский) смысл амнезии в его социальных метафорах-концептах, тогда становится принципиальным различие между субъектом-исследователем социальной амнезии и ее субъектом-носителем, причем последний не может делать о ней высказываний с претензией на истинность.

Таким образом, можно вслед за А. Августином выделить три типа (и одновременно степени или уровни) мнемонических дефицитов, обозначив их по мере повышения степени забывчивости *забыванием*, *забвением* и *амнезией*. Мы предполагаем, что эта типология забывчивости носит универсальный характер и может быть перенесена на все виды социальной памяти, причем как индивидуальной, так и коллективной. Разумеется, это предположение требует отдельного солидного обоснования. В данной статье мы ограничимся тем, что приведем в пользу этого утверждения, уже высказанного автором ранее в общей форме [21], ряд аргументов из различных сфер социогуманитарного знания.

Обратим внимание прежде всего на терминологический аспект. Используя русские слова *забывание* и *забвение* для выражения упомянутого (вслед за Августином) различия между двумя первыми уровнями забывчивости, мы учитываем особенности близких, но нетождественных семантик данных терминов. (Заметим, что сходным образом соотносятся и семантики английских слов «forgetting» и «oblivion».) Причем различие между «забыванием» и «забвением» – это не просто различие между процессом и результатом; забвение, особенно в конструкции «предать забвению», выражает *стремление* либо *факт* (как в случае амнезии) утраты следов забытого. Отечественный лингвист О.Г. Ревзина указывает на характерную для русского языка «концептуализацию забвения как стирание и исчезновение следов через некий покров, который прикрывает эти следы: снег забвения, ряска забвения, забвение-покрывало...» [22. С. 24]. Наконец, язык в своей наивной картине мира связывает забвение со смертью, что нашло отражение в мифологическом образе Леты – Реки Забвения в подземном царстве мертвых. Забывчивость, таким образом, можно понимать двояко: и в смысле систематического дефицита памяти, ведущего к забвению и амнезии, и дефицита временного, спорадического – в смысле «запомнить», «подзабыть». Маркером того, что в последнем случае мы имеем особый вид мнемонического дефицита, является энантиосемия терминов «запомнить» и «запоминать». И подобно тому, как в русском «забыть» приставка «за-» значит закрытие *доступа к бытию*, а не его *отрицание в небытие*, так и в «запоминании» обозначается лишь закрытие доступа к памяти, а не ее исчезновение (амнезия).

Среди лингвистов уже обращалось внимание на то, что глаголам смыслового ряда «помнить – забыть – вспомнить – вспоминать» по своим лингвистическим свойствам точно соответствуют глаголы «иметь – потерять – найти – находить – искать». Отсюда В.В. Туровский делает важное (в контексте нашего анализа) предположение о том, что «если забыть толковать через потерять, а вспомнить – через найти, то становится ясным, что при забывании мы утрачиваем не саму информацию, но лишь доступ к ней, который и восстанавливается при вспоминании» [23. С. 94]. Таким образом, мы имеем здесь еще один лингвистический аргумент в пользу упомянутых выше дистинкций Августина.

Посмотрим теперь на концептуальную триаду «забывание – забвение – амнезия» со стороны термина «амнезия». В «Греко-английском словаре» Г.Дж. Лиддела и Р. Скотта слово $\alpha\mu\eta\sigma\iota\alpha$ указывается как синоним Леты с двумя значениями: забывчивость и акт амнистии [24. Р. 84]. При этом обнаруживается более тесная, чем в современных языках, связь значений забвения и амнистии в семантике как $\alpha\mu\eta\sigma\iota\alpha$, так и $\alpha\mu\eta\sigma\tau\iota\alpha$ (непамятование, забвение (обид), прощение, амнистия), а также его латинского аналога *amnesia* (забвение, прощение, амнистия). В латинском языке синонимом греческого заимствования *amnesia* служило также сущ. *oblivio*, которое, однако, отличалось от него по своей внутренней форме. Под «внутренней формой слова» здесь вслед за М.В. Ильиным подразумевается первоначальная смысловая и выразительная структура слова (этимон), которая становится «порождающей моделью раздвоения и удвоения смыслов, а тем самым информационного обобщения, которое ведет к образованию понятий» [4. С. 26]. В семантике *oblivio* забывание есть не столько эффект конвенции, предписания, сколько бесследного уничтожения: см. глаг. *oblinere* (замазывать, затирать написанное на воске, зачеркивать). Разумеется, внутренняя форма слова сама по себе не определяет содержания концепта, который этим словом обозначается. Соответственно, образ записи на воске или грифельной доске еще не значит, что память человека тоже может в какой-то момент превращаться в *tabula rasa*. И в случае коллективных форм социальной амнезии это тоже не очевидно и требует отдельного обоснования.

Чтобы лучше понять отличие греч. $\alpha\mu\eta\sigma\iota\alpha$ от современного медицинского смысла «амнезии», следует обратить пристальное внимание на упомянутый выше его синоним $\lambda\eta\theta\eta$, выражающий мифологический смысл Леты. Любопытно, что отрицанием $\lambda\eta\theta\eta$ как принципа выступает слово $\acute{\alpha}\text{-}\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$, в семантике которого истинность как гносеологическая категория понимается в одном пучке с правдивостью (открытостью, искренностью, справедливостью) как категорией этической. В сакральном аспекте $\acute{\alpha}\text{-}\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$ оказывается в царстве богини Мнемозины, которая персонифицирует память не просто как одну из способностей души, но как праматерь всех муз. В этом смысле Лету нельзя в строгом смысле назвать современным термином «амнезия», ведь в ее смысл входит и анамнезис [25. Р. 309–310]: Мнемозина актуализирует лишь подзабытую, но всегда наличную в душе первичную память об истинах мира.

В развитие этого философского сюжета в исследовательской литературе можно найти ряд аргументов, близких упомянутым выше градациям забывчивости по А. Августину.

Так, у П. Рикёра исходной дистинкцией в анализе мнемонических дефицитов выступает, с одной стороны, различие между памятью и амнезией, а с другой – между амнезией и «обычным забыванием» или «прагматикой забвения». (Заметим, что используемый Рикёром многозначный термин «l'oubli» в русском переводе дифференцируется – по всей видимости, из стилистических соображений – на «забывание» и «за-

бвение). В этой прагматике, по мысли французского философа, суждения о забвении составляют как бы оборотную сторону высказываний о памяти. Относительно обеих упомянутых дистинкций амнезия понимается у Рикёра как дисфункция памяти, ее «ущербность, слабость, пробел» [9. С. 574], но все же как нечто отличное от «глубокого забвения». Последнее представлено двумя видами: «забыванием из-за стирания следов» и «забыванием-резервом». Первый вид философ называет также «окончательным забыванием», сближая его с амнезией, поскольку речь идет о безвозвратном стирании следов в отличие от забывания-резерва как «обратимого забвения». Однако тождества с амнезией нет и здесь, поскольку даже «забвение из-за стирания следов нельзя отнести ни к дисфункциям, как амнезию, ни к нарушениям памяти, подрывающим ее надежность» [9. С. 590]. Таким образом, рикёровское различие между «обычным забыванием», «глубоким забвением» и «амнезией» близко подходит к намеченному Августином различию типов забывчивости.

Вокруг этой же базовой дистинкции вращается и анализ мнемонических дефицитов, предпринятый американским философом Б. Вивьеном. «Забывание» [forgetting] выступает у него зонтичным концептом для всех проявлений забывчивости, включающих по меньшей мере два разных «тропа»: «добровольное забвение [willed oblivion]» и «символическое стирание [symbolic erasure]» или «стратегическую амнезию [strategic amnesia]». «Забывание» и «амнезия», независимо от обычного употребления этих терминов в публичном дискурсе, не являются, по Вивьену, очевидными синонимами: забывание может открыть пространство для «реконфигурации памяти», тогда как амнезия, напротив, означает «глубокую, потенциально абсолютную потерю объекта памяти» [26. Р. 46–47].

Но аргументы в пользу концептуального отделения «забывания» от «амнезии» можно найти не только в философии и филологии, но также в других сферах социогуманитарного знания. Из упомянутой триады «забывание – забвение – амнезия» здесь наиболее обсуждаемым оказывается феномен забывания в его отличии от амнезии. В этой связи подчеркивается, что «социальное забывание [forgetting] не является опасным призывом к коллективной амнезии, но изначально выступает неотъемлемым элементом коллективной памяти» [27. Р. 123]. В сходном ключе западный социолог Лаура Басу, анализируя феномен современной медийной амнезии на примере финансово-экономического кризиса 2007–2008 гг., проводит принципиальное различие между «намеренным забыванием [wilful forgetting]» и «медийной амнезией [media amnesia]». Если первое выражает обычную селективность памяти отдельного социального актора, то второе есть общее условие воспроизводства рыночной системы. Намеренное забывание касается тех СМИ, которые сознательным образом вводили общественность в заблуждение относительно реальных истоков и последствий кризиса. Амнезия же встроена в само функционирование медиа, есть эффект их бессвязного переключения с одной темы на другую [28].

В научной литературе, помимо упомянутых П. Рикёра [9. С. 629] и Б. Вивьена [26. Р. 56], уже не раз указывалось на неправомерность отождествления социальной амнезии с так называемым предписанным забыванием [prescriptive forgetting] [16. Р. 62]. Последнее зачастую выдает себя за амнезию из политических мотивов, прежде всего из желания забыть прошлые кровавые конфликты ради мирной жизни в будущем. (Заметим, что предписанное забывание так же не сводится к амнистии, как забывание как таковое – к предписанному забыванию, но рассмотрение этих сюжетов остается за рамками данной статьи.) Но забывчивость по желанию или приказу есть всегда относительный и парадоксальный опыт. И здесь тоже обнаруживается различие между забыванием и забвением, точнее между нарративной прагматикой забывания [9. С. 619] и возвышенным символизмом забвения [26. Р. 39]. В первом случае ненавязчиво забываются (но, опять же, не абсолютно, а только как средство запоминания другого) некоторые моменты прошлого в рамках нового рассказа о нем. Во втором случае прошлое отвергается тотально, проклинается и табуируется. Причем парадоксальность целенаправленного забывания, когда «помнят, чтобы забыть», следует отличать от парадоксальности забвения, когда «могут помнить, что не могут вспомнить» [29. Р. 105]. В случае символизма забвения табуированность памяти о прошлом сопровождается мемориальными «призраками» – воспоминаниями, которые невольно и незримо присутствуют в символических местах, подлежащих забвению в рамках официальной политики памяти. При этом «некоторые призраки (например, старые идентичности, старые здания, старые истории, старые стереотипы или воспоминания) вызываются и трансформируются в видимые присутствия, такие как образы, истории, лозунги, туристические объекты и т.д.» [30. Р. 16]. Само наличие этих «призраков» говорит о том, что, хотя следы прежней памяти разрушены, когнитивные инструменты памяти как таковой продолжают функционировать вопреки всем запретам, поэтому нет оснований говорить здесь об амнезии. Ведь амнезия касается не утраты конкретных воспоминаний как фрагментов исторической памяти, это дефицит самой способности помнить, а такую способность дают «фигуры воспоминания» [31. С. 39], понятий как аналог кантовских категорий рассудка. В какой-то политике предписанное забвение может со временем стать социальной амнезией, и тогда оно перестанет сопровождаться упомянутыми «призраками памяти». Когда Э. Ренан с полной уверенностью говорит в 1882 г., что «ни один француз не знает, бургунд он, алан или вестгот» [32], он фиксирует факт социальной (исторической) амнезии. Но вот следующая часть его фразы – «всякий гражданин Франции должен забыть Варфоломеевскую ночь, убийства на Юге в XIII веке» [Ренан] – выражает лишь пожелание такой амнезии, которая тогда еще не была очевидностью. Соответственно, представляется принципиально спорным (во всяком случае, поспешным) стремление ряда современных авторов обозначить практику амнистии как «национальную форму амнезии» или «политику амнезии» [33].

В этой связи никогда не следует забывать об упомянутых выше метафорических корнях концепта социальной амнезии. С одной стороны, социальная амнезия имеет общее с амнезией как медицинским случаем: ведет к утрате памяти, важной для сохранения социальной идентичности, и тем самым снижает адаптацию ее носителей к социуму. Однако, с другой стороны, социальная амнезия играет конструктивную роль в формировании новых (альтернативных) идентичностей – в этом ее отличие от аналогичного медицинского концепта. Алейда Ассман убедительно показывает на примере американской иммиграционной политики [34], что традиционно сопровождавшие ее ритуалы «плавильного котла» были не столько «предписанным забвением», сколько структурной амнезией. Другими словами, это предполагало реальное «потускнение» памяти переселенцев об их происхождении, что было условием не ситуативного приспособления к новым условиям жизни, но трансформации самой их идентичности. Однако специальный анализ динамического взаимодействия конструктивных и деструктивных функций социальной амнезии выходит за рамки данной статьи.

Главный вывод, который можно сделать из сказанного выше, состоит в необходимости концептуального разграничения между амнезией, забвением и забыванием как разными типами мнемонических дефицитов. Если забывание, как и воспоминание, есть эффект избирательности памяти, действующей с опо-

рой на рамочные когнитивные структуры, то в случае забвения, в том числе предписанного, эти структуры (символические «фигуры» памяти) выключаются суггестией табу, из-за чего они уже не служат контекстом для восстановления забытого через простое напоминание. Однако стремление представить предписанное забвение в качестве социальной (коллективной, национальной) амнезии есть иллюзия и / или политическая манипуляция, выдающая желаемое за действительное. Забвение еще не ведет к утрате самой способности помнить (включая памяти о самом забывании), что отличает его от амнезии и выражается в мемориальных «призраках», оппонировавших амнистии и прочим практикам мемориальной политики. Напротив, социальная амнезия не предполагает этих «призраков», будучи непроницаемой для каких-то восстановительных процедур как аналогов сократовской диалектики или фрейдистского психоанализа. Социальная амнезия как неспособность социальных акторов связывать мнемонический опыт посредством символических фигур воспоминания (и отдавать себе в этом отчет) составляет необходимое условие разрушения прошлых идентичностей и формирования новых сообществ. Дальнейшие исследования по теме статьи необходимы в первую очередь для разграничения различных типов социальной амнезии – подобно тому, как здесь была предпринята попытка различить типы социальной забывчивости.

ЛИТЕРАТУРА

- Burke P. *Varieties of Cultural History*. Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 1997. 256 p.
- Lampropoulos A., Markidou V. Introduction: Configuring Cultural Amnesia // *Synthesis*. 2010. № 2. P. 1–6.
- Nuopponen A. Methods of Concept Analysis – a Comparative Study. Part 1 of 3 // *LSP Journal*. 2010. Vol. 1, № 1. URL: <http://www.healthindisasters.com/images/Books/Methods-of-concept-analysis.pdf> (дата обращения: 10.06.2020).
- Ильин М.В. Слова и смыслы. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 432 с.
- Zerubavel E. *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago : University of Chicago Press, 2003. 184 p.
- Concise Encyclopedia of Brain and Language* / Whitaker H.A. (ed.). Oxford : Elsevier, 2010. 632 p.
- Архипова А.А. Социально-историческая амнезия в Украине: к постановке проблемы // *Грані*. 2016. № 140 (12). С. 33–39.
- Jacoby R. *Social Amnesia: a Critique of Conformist Psychology from Adler to Laing*. Boston : Beacon Press, 1975. 191 p.
- Рикёр П. Память, история, забвение : пер. с франц. М. : Изд-во гум. лит., 2004. 728 с.
- Dyuzhikov S.A., Hunagov R.D., Magomedov M.G., Kumykov A.M. Nature and Socio-cultural Practices of Social Amnesia in Russian Society // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6, № 3 S3. P. 31–38.
- Beiner G. *Forgetful Remembrance. Social Forgetting and Vernacular Historiography of a Rebellion in Ulster*. Oxford : Oxford University Press, 2018. 262 p.
- Sorbo E. Ruins of Memory: a Sustainable Conservation for the Material and Immaterial Values of the Former Psychiatric Hospitals in Italy // *Procedia Engineering*. 2016. Vol. 161. P. 2198–2202.
- Plate L. Amnesiology: Towards the Study of Cultural Oblivion // *Memory Reconsolidation* / C.M. Alberini (ed.). London; New York : Elsevier Academic Press, 2013. P. 185–211.
- Huysen A. *Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia*. New York; London : Routledge, 1995. 292 p.
- Анкерсмит Ф.П. Возвышенный исторический опыт / пер. с англ. А.А. Олейников и др. М. : Европа, 2007. 609 с.
- Connerton P. Seven Types of Forgetting // *Memory Studies*. 2008. № 1. P. 59–71.
- Шнирельман В.А. Социальная память: вопросы теории // *Историческая память и российская идентичность* / В.А. Тишков, Е.А. Пивнева (ред.). М. : РАН, 2018. С. 12–34.
- Тощенко Ж.Т. Манкуртизм как форма исторического беспамятства // *Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры*. X Международные Лихачевские научные чтения 13–14 мая 2010 г. СПб. : СПбГУП, 2010. С. 224–231.
- Августин Аврелий. Исповедь / пер. с лат. М.К. Сергеев. М. : Ренессанс; СП ИВО – Сид, 1991. 488 с.
- Weinrich H. *Lethe: The Art and Critique of Forgetting* / Trans. from German by S. Rendall. Ithaca : Cornell University Press, 2004. 272 p.
- Поцелуев С.П. Социальная забывчивость как символический ресурс национальной мобилизации (концептуальный аспект) // *Политическая наука*. 2020. № 2. С. 42–65.
- Ревзина О.Г. Память и язык // *Критика и семиотика*. 2006. № 10. С. 10–24.
- Туровский В.В. Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить // *Логический анализ языка: Культурные концепты* / Н.Д. Арутюнова (ред.). М. : Наука, 1991. С. 91–95.
- Liddell H.G., Scott R. *A Greek-English Lexicon*. New York : Oxford University Press, 1996. 320 p.
- Mavor C. 'A' is for Alice, for Amnesia, for Anamnesis: A Fairy Tale called *La Jetée* // *Anamnesia. Private and Public Memory in Modern French Culture* / P. Collier, A.-V. Elsner, O. Smith (Eds.). Bern : Peter Lang, 2009. P. 295–312.
- Vivian B. *Public Forgetting: the Rhetoric and Politics of Beginning Again*. University Park; Penn State University Press, 2010. 212 p.
- Thouvenin F., Hettich P., Burkert H., Gasser U. *Remembering and Forgetting in the Digital Age*. Cham : Springer International Publishing, 2018. 257 p.

28. Basu L. Media amnesia, austerity and the great crisis // *OpenDemocracy*. 2016. May 19. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/opendemocraciyuk/media-amnesia-austerity-and-great-crisis/> (дата обращения: 10.06.2020).
29. Weiskrantz L. *Consciousness Lost and Found: A Neuropsychological Exploration*. Oxford : Oxford University Press, 1999. 302 p.
30. Vanolo A. *City Branding. The Ghostly Politics of Representation in Globalising Cities*. London : Routledge, 2017. 218 p.
31. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
32. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12 т. Т. 6. Киев, 1902. С. 87–101. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Ren_Nacia.php (дата обращения: 10.06.2020).
33. Törnquist O. The Politics of Amnesia // *Economic & Political Weekly EPW*. 2015. Vol. 1, №. 40. P. 24–26.
34. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 267 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 6 сентября 2020 г.

Amnesia as a Type of Social Forgetfulness: Towards Refining the Concept

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 461, 84–91.

DOI: 10.17223/15617793/461/10

Sergey P. Potseluev, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: spotselu@mail.ru

Keywords: sociomnemonic deficits; social amnesia; forgetting; oblivion; amnesty.

The reported study was funded by Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).

The aim of the article is to clarify the concept of social amnesia since its use is extremely contradictory in the discourse of social sciences and humanities. The relevance of this topic is explained by researchers' growing interest in the dialectics of memory and oblivion within the framework of memory studies as a separate research area. To achieve the aim, the author uses the methodology of conceptual analysis, primarily in the version proposed by the Russian political philosopher M. Ilyin. When discussing the differences between social amnesia and other sociomnemonic deficits, the author critically assesses the existing experience of typologizing social forgetfulness (F. Ankersmit, P. Connerton, et al.). The author emphasizes that, in current research papers, instead of the stated typologies of sociomnemonic deficits, their phenomenologies are often proposed. Based on the levels of forgetfulness indicated by St. Augustine in *Confessions*, the author identifies forgetting, oblivion, and amnesia as the three most common types of memory deficits that differ in the degree of loss of mnemonic ability. In favor of this typology, the author gives a number of linguistic (by comparing the semantics of the corresponding terms), philosophical (using conceptual distinctions proposed by P. Ricard, B. Vivian, et al.) and sociological (based on the concepts of structural and media amnesia as well as on the concept of amnesty as a kind of prescriptive forgetting) arguments. As a result, the author comes to the conclusion that it is necessary, first of all, to distinguish conceptually between the pragmatics of forgetting/remembering (when forgetting can be a form of remembering and vice versa) and the symbolism of oblivion, which implies the loss of memory of past events. An important distinction of oblivion from forgetting and amnesia is the taboo status of the forgotten. Neither amnesia nor the pragmatics of forgetting needs this, nor are they accompanied by the “ghosts of memory” that complement the symbolism of oblivion. On the other hand, social oblivion is not completely traceless since the memory of the very fact of forgetfulness and the ability to remember itself are preserved as well as the ability to operate with symbolic memory figures as analogs of categories of understanding. On the contrary, social amnesia involves the weakening of memory as a cognitive ability of social actors as a result of the destruction of above-mentioned figures, as well as the disappearance of basic knowledge of the past as a condition for identifying people with their communities. But, unlike the medical concept of amnesia, memory dysfunction in social amnesia does not lead to the loss of these social identities alone; at the same time, it is a necessary condition for the formation of new communities.

REFERENCES

1. Burke, P. (1997) *Varieties of Cultural History*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
2. Lampropoulos, A. & Markidou, V. (2010) Introduction: Configuring Cultural Amnesia. *Synthesis*. 2. pp. 1–6.
3. Nuopponen, A. (2010) Methods of Concept Analysis – a Comparative Study. Part 1 of 3. *LSP Journal*. 1 (1). [Online] Available from: <http://www.healthindisasters.com/images/Books/Methods-of-concept-analysis.pdf> (Accessed: 10.06.2020).
4. Илин, М.В. (1997) *Слова и смыслы* [Words and meanings]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
5. Zerubavel, E. (2003) *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago: University of Chicago Press.
6. Whitaker, H.A. (ed.) (2010) *Concise Encyclopedia of Brain and Language*. Oxford: Elsevier.
7. Arkhipova, A.A. (2016) Socio-historical amnesia in Ukraine: to statement of the problem. *Grani*. 140 (12). pp. 33–39. (In Russian). DOI: 10.15421/1716136
8. Jacoby, R. (1975) *Social Amnesia: A Critique of Conformist Psychology from Adler to Laing*. Boston: Beacon Press.
9. Ricoeur, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Translated from French. Moscow: Izd-vo gum. lit.
10. Dyuzhikov, S.A., Hunagov, R.D., Magomedov, M.G. & Kумыков, A.M. (2015) Nature and Socio-cultural Practices of Social Amnesia in Russian Society. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 6 (3 S3). pp. 31–38.
11. Beiner, G. (2018) *Forgetful Remembrance. Social Forgetting and Vernacular Historiography of a Rebellion in Ulster*. Oxford: Oxford University Press.
12. Sorbo, E. (2016) Ruins of Memory: a Sustainable Conservation for the Material and Immaterial Values of the Former Psychiatric Hospitals in Italy. *Procedia Engineering*. 161. pp. 2198–2202.
13. Plate, L. (2013) Amnesiology: Towards the Study of Cultural Oblivion. In: Alberini, C.M. (ed.) *Memory Reconsolidation*. London; New York: Elsevier Academic Press. pp. 185–211.
14. Huyssen, A. (1995) *Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia*. New York; London: Routledge.
15. Ankersmit, F.R. (2007) *Vozvyshennyi istoricheskiy opyt* [Sublime historical experience]. Translated from English by A.A. Oleynikov et al. Moscow: Evropa.
16. Connerton, P. (2008) Seven Types of Forgetting. *Memory Studies*. 1. pp. 59–71.
17. Shnirel'man, V.A. (2018) Sotsial'naya pamyat': voprosy teorii [Social memory: Theoretical issues]. In: Tishkov, V.A. & Pivneva, E.A. (eds) *Istoricheskaya pamyat' i rossiyskaya identichnost'* [Historical memory and Russian identity]. Moscow: RAS. pp. 12–34.

18. Toshchenko, Zh.T. (2010) [Mankurtism as a form of historical unconsciousness]. *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsiy: stanovlenie global'noy kul'tury. X Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya* [Dialogue of cultures and partnership of civilizations: The formation of global culture. X International Likhachev Scientific Readings]. Conference Proceedings. 13–14 May 2010. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences. pp. 224–231. (In Russian).
19. St. Augustine. (1991) *Ispoved'* [The confessions]. Translated from Latin by M.K. Sergeenko. Moscow: Rennans; SP IVO – SiD.
20. Weinrich, H. (2004) *Lethe: The Art and Critique of Forgetting*. Translated from German by S. Rendall. Ithaca: Cornell University Press.
21. Potseluev, S.P. (2020) Social forgetfulness as a symbolic resource of national mobilization (conceptual aspect). *Politicheskaya nauka – Political Science*. 2. pp. 42–65. (In Russian). DOI: 10.31249/poln/2020.02.02
22. Revzina, O.G. (2006) Pamyat' i yazyk [Memory and language]. *Kritika i semiotika – Critique and Semiotics*. 10. pp. 10–24.
23. Turovskiy, V.V. (1991) Pamyat' v naivnoy kartine mira: zabyt', vspomnit', pomnit' [Memory in a naive picture of the world: Forget, recollect, remember]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka: Kul'turnye kontsepty* [Logical analysis of language: Cultural concepts]. Moscow: Nauka. pp. 91–95.
24. Liddell, H.G. & Scott, R. (1996) *A Greek-English Lexicon*. New York: Oxford University Press.
25. Mavor, C. (2009) 'A' is for Alice, for Amnesia, for Anamnesis: A Fairy Tale Called La Jetée. In: Collier, P., Elsner, A.V. & Smith, O. (eds) *Anamnesia. Private and Public Memory in Modern French Culture*. Bern: Peter Lang. pp. 295–312.
26. Vivian, B. (2010) *Public Forgetting: the Rhetoric and Politics of Beginning Again*. University Park; Penn State University Press.
27. Thouvenin, F., Hettich, P., Burkert, H. & Gasser, U. (2018) *Remembering and Forgetting in the Digital Age*. Cham: Springer International Publishing.
28. Basu, L. (2016) Media amnesia, austerity and the great crisis. *OpenDemocracy*. May 19. [Online] Available from: <https://www.opendemocracy.net/en/opendemocracyuk/media-amnesia-austerity-and-great-crisis/> (Accessed: 10.06.2020).
29. Weiskrantz, L. (1999) *Consciousness Lost and Found: A Neuropsychological Exploration*. Oxford: Oxford University Press.
30. Vanolo, A. (2017) *City Branding. The Ghostly Politics of Representation in Globalising Cities*. London: Routledge.
31. Assman, J. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Script, Recollection, and Political Identity in Early Civilizations]. Translated from German by M.M. Sokol'skaya. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
32. Renan, E. (1902) *Chto takoe natsiya?* [What is a nation?]. Translated from French. [Online] Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Ren_Nacia.php (Accessed: 10.06.2020).
33. Törnquist, O. (2015) The Politics of Amnesia. *Economic & Political Weekly EPW*. L (40). pp. 24–26.
34. Assman, A. (2017) *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Is Time Out of Joint? on the Rise and Fall of the Modern Time Regime]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Received: 06 September 2020